

ЭЛЕОНОРА РАТКЕВИЧ

ВРЕМЯ

СЕРЕБРА

Время золота, время серебра

Элеонора Раткевич

Время серебра

«Демина Людмила Дмитриевна»

2005

Раткевич Э. Г.

Время серебра / Э. Г. Раткевич — «Демина Людмила Дмитриевна», 2005 — (Время золота, время серебра)

ISBN 5-17-027447-5

Кто такие гномы? Непревзойденные горных дел мастера? Или же непревзойденные воины – цверги? Опасно или выгодно для Олбарии соседство с подгорной страной Петрией? ...Это было давно. Подземные воители-цверги вышли из пещер Петрии, чтобы захватить земли жителей «верхнего мира» – землю людей. Казалось, ничто не может остановить победоносное шествие закованного в стальную броню гномьего шарта, покорявшего один край за другим. Таны Олбарии готовились принять последний, неравный бой, но неожиданно пришла помощь. Эльфы Изумрудных Островов встали рядом с олбарийцами, и захватчики были разбиты. Побежденные поклялись никогда не поднимать меч на победителей, и им разрешили вернуться в свои пещеры. С тех пор прошли века. Эльфы исчезли, Петрия затаилась, а в мире людей честь все чаще уступала подлости, а меч – кинжалу. Занятым войнами и интригами олбарийцам стало не до старых врагов. А зря...

ISBN 5-17-027447-5

© Раткевич Э. Г., 2005

© Демина Людмила Дмитриевна, 2005

Содержание

Время лечит	5
Стеклянный эльф	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Элеонора Раткевич

Время серебра

*Наши мертвые нас не оставят в беде.
Наши павшие – как часовые.*

В. Высоцкий

Время лечит

Осень. Грэмтирский лес

– Мэтр, да сделайте же хоть что-нибудь!

Отчаянный, почти мальчишеский выкрик. И такой далекий...

– Вы меня слышите?

Этот голос тоже звучал издали – и он не мог, никак не мог ответить со дна ледяной реки... той самой реки, где вечно струится кровь павших в битве, – но она вовсе не алая, легенды лгут, она черная, черная, как осенний омут, как обступившая со всех сторон ночь, и в этой ночи не видно лиц – только глаза... две пары звезд, янтарно-волчьи, и зеленые, рысьи... а потом они смежили веки и начался звездопад. Звезды срывались с неба целыми гроздьями, оставляя за собой резкие росчерки, рушились наземь сияющими горстями, росой оседающая на плечи, Расточаясь туманом, стремительно заволакивающим недавнюю черноту.

Туман вовсе не был непроглядным – он вился тугими прядями, дразнился, убегал – и все же разглядеть хоть что-нибудь не получалось; действительность уворачивалась от взгляда, потому что у нее не было имен... ничто не имело имени, один только туман, а значит, ничего и не было... возможно, если вспомнить, если только вспомнить, кто ты есть...

– Джей! – голосом незнакомой птицы крикнула издали сквозь туман уходящая ночь.

Джей. Это не просто звук, не просто слово – это имя. Его имя. Джей. Ночь была мило-сердна, окликнув его на прощание. Его имя снова было с ним – как меч у бедра, как лютня за спиной... и все же что-то покинуло его... что-то, заменившее ему имя еще так недавно... Джей глубоко вздохнул, пытаясь сосредоточиться, и тогда только понял, что именно оставило его, – боль! Дышать этим осенним туманом было совсем не больно. Ребра вздымались легко и свободно, сознание не мутилось. Джей не помнил, отчего присутствие боли казалось ему таким непреложным, а ее уход – таким странным... и все же она ушла... вот по этой, наверное, тропинке, звонко шелестящей сухой осенней листвой... вниз, с холма, в туман...

Джей ступил на тропу, и шорох окутал его ноги. Будь что будет, но он не станет ждать на вершине холма невесты чего. Если боль ушла, он пойдет за ней следом и нагонит ее – а настигнув, спросит, почему он здесь. Ему некого больше спросить – туман, и тот молчит, – но уж она-то должна знать...

А туман и вправду молчал – будто боялся чего-то... шороха ли, в котором звук шагов терялся почти совершенно, самих ли шагов... боялся, прятался, забивался под листья – уже не сухие и ломкие, а плотные и упругие, в прожелье зеленоватые... туман хоронился в траве, густой, свежей, томительно яркой, летней... но разве можно быть лету после осени? Разве можно быть вечеру после ночи? А ведь сумерки вокруг вечерние, легкие, чистые, как ручей, – вот и туман почти рассеялся, и костер уже не мутный сгусток света в серой мгле, а самый настоящий костер, даже слышно, как пламя потрескивает, выбрасывая вверх целый ворох золотых искр, – они совсем как звезды, только падают вверх...

Джей отодвинул шитый рыжими ягодами кружевной рукав рябины и шагнул к костру.

Отродясь он не видывал более необычной компании, чем та, что сидела возле огня. Седой, как лунная ночь, старик, пятеро молодых мужчин, таких разных с виду, и одетая мальчиком девушка с льющимися по спине светлыми волосами... полно, да есть ли между ними хоть что-то общее, кроме печати некой неуловимой странности, отметившей их всех до единого? Кто они такие, откуда? Охотники? Заплутавшие путники, которых сумерки и случайность свели вместе у одного костра? Беглецы от закона? Да нет же, нет! Не так они смотрят друг на друга, не так улыбаются... и на неожиданного гостя, вышагнувшего из-под полога леса к их огню, тоже смотрят не так... нет в их глазах ни настороженности, ни даже недоверия – будто Джей для них не беглый незнакомец, а желанный сотоварищ. А ведь он этих семерых впервые видит... есть отчего призадуматься.

Но призадуматься не хотелось. Хотелось опуститься на густой высокий мох, протянуть руки к огню... ведь не откажут ему эти семеро в праве погреться возле их костра?

– Д-добрый вечер, – неловко произнес Джей.

Сидящие у костра ответили ему нестройным приветственным хором – но Джей поклясться был готов, что кто-то из них произнес: «Невероятно!»

– Добро пожаловать, – приветливо улыбнулся ему тот, что сидел ближе всех к огню, темноволосый, с серебристо-серыми спокойными глазами.

– Клянусь господом, – ошарашенно пробормотал другой, высокий, такой худой и угловатый, словно это и не человек вовсе, а олени рога, по недоразумению облекшиеся плотью, – за это нужно выпить!

– Нужно, – пресерьезнейшим образом кивнул еще один, кареглазый, со шрамом на левой щеке. – Но не тебе, а гостю. Это он устал с дороги, а не ты.

Устал? Странно... только теперь Джей ощутил, что он в самом деле устал, да вдобавок еще и проголодался.

– Садитесь к огню, – позвала его девушка и приветливо улыбнулась.

Лицо у нее было такое ясное и милое, что Джею нестерпимо захотелось улыбнуться ей в ответ. Ноги его сами сделали шаг, и другой... и тут он вспомнил... он действительно вспомнил... пусть не все, пусть даже не себя вспомнил, – но то, что сейчас единственно и имело значение...

– Я... не могу... – сдавленно произнес он и попытался шагнуть обратно, в лесную темень, однако не сумел и с места сдвинуться.

– Почему? – удивилась девушка.

– Мне нельзя... я... – Джей прикусил было губу, а потом выпалил с отчаянной решимостью. – Я мертвый...

Нельзя, нельзя мертвым сидеть у одного огня с живыми, упиваться их жизнью, их теплом!.. Ему нельзя было приходить сюда, но тропа вывела его сюда беспамятного... но теперь, когда он вспомнил, он должен уйти, он не вправе обратить во зло это приветливое гостеприимство...

– Я мертвый... – повторил он.

К его изумлению, сидевшие возле костра разразились дружным хохотом.

– Вот это удивили, нечего сказать! – простонал седой.

Кареглазый со шрамом тоже хотел сказать что-то, да так и не смог, только махнул рукой и вновь расхохотался.

– Как же вам не стыдно! – пылко воскликнула девушка. – Он ведь за вас тревожится, а вы... ну как же вам не стыдно! Эдон, ну хоть вы им скажите!

– В самом деле. – Худой утер выступившие от смеха слезы. – Нехорошо получилось. Просто странно слышать... мы-то уже привыкли...

Вот теперь Джей и вовсе ничего не понимал. Кроме, пожалуй, одного – недаром тропа закончилась возле этого костра, недаром он не смог сделать ни шагу назад: место у огня принадлежит ему по праву.

– Простите, – покаянно вымолвил седой. – Мы уже и забыли, каково оно по первому-то разу... По первому?!

– А что, бывает и второй? – неожиданно для самого себя произнес потрясенный Джей.

– Бывает, – чуть приметно улыбнулся каким-то своим затаенным мыслям сероглазый. – Во второй раз я и вовсе был уверен, что ухожу навсегда. Оказалось, нет. Вечность – леди с характером. Она сама решает, кого отпустить, а кого позвать.

С мыслью о том, что сам он умер, Джей уже волей-неволей свыкся. С тем, что покойники могут сидеть вокруг огня, пить вино и уплетать ароматную оленину, если и не свыкся, то хотя бы смирился. Но то, что умереть можно и не единожды...

– Еще с каким характером! – ехидно подтвердил тяжеловесный крепыш. – Сама позовет, сама всему и научит...

– Особенно Дженни, – подхватил кареглазый. – Вот кому вечность пошла на пользу. Так поначалу всего робела – а теперь любого из нас приструнит...

По мнению Джея, хрупкая Дженни не могла бы приструнить и божью коровку – не то что этих быстрых на дружеское подтрунивание мужчин. Они склоняли перед ней голову не по ее велению, а своей волей... потому и подшучивали – не над нею, над собой.

– И будет права. А я ей помогу, – заметил темноволосый, грызя травинку, чтобы скрыть улыбку.

– Государь! – возмутилась девушка. – Да вас первого... – Она решительно обернулась к Джею. – Вы их не слушайте, правда! Они же просто дразнятся! Хуже мальчишек, честное слово!

– Так и должно быть, – задумчиво произнес Джей. – Мальчишка и вполтину таких глупостей натворить не может, как взрослый. Я, во всяком случае, точно не мог.

Шутка слетела с языка удивительно легко – и Джей совсем не удивился этой легкости. Кем бы ни были эти люди – он один из них. Он не мог бы сказать, откуда взялось это знание и в чем выражалось это сродство, но ощущал его так же явственно, как собственное тело.

Светловолосая Дженни вздохнула так глубоко, словно только сейчас осознала, что она здесь единственный взрослый, рассудительный человек. Ответом ей были семь смущенных улыбок.

– Наверное, вы все затем и хотите поскорей вырасти. – Дженни тоже не смогла удержать улыбку как ни старалась. – Чтобы наделать побольше глупостей.

– Вы совершенно правы, моя леди, – сокрушенно подтвердил темноволосый Эдон.

На сей раз Дженни расхохоталась первой.

– Садитесь же, – настойчиво произнесла она, вновь обернувшись к Джею.

– Вот-вот, – поддержал ее седой. – Садитесь к огню. И не спорьте больше. Сестер надо слушаться! Тем более старших.

Сестер? Да еще старших?! Джей готов был ручаться, что Дженни моложе его лет на семь...

– Но у меня нет никаких сестер, – только и смог выдавить из себя ошарашенный Джей.

– А вот это, – очень серьезно произнес Эдон, устремив на него взгляд своих удивительных серебристых глаз, – вам только кажется.

Джей повиновался. Он опустился на лапник возле костра, подогнув под себя ногу – когда-то он любил так сидеть... кто-то налил вина в маленькую походную чашу, кто-то протянул эту чашу ему, и Джей, наскоро поблагодарив, припал к ней пересохшими губами. Вино не было подогрето, оно не было горячим – и все же первый глоток оказался жарким, словно расплавленное солнце, оно беспощадно смыло таящийся в теле холод – оказывается, Джей совсем

озяб, пробираясь сквозь рябинник по туманной тропе... и когда только успел? Терпкое тепло изгоняло знобкую муть и усталость. Джей перевел дыхание и снова пригубил темное, почти черное в свете костра вино.

Этот второй глоток смыл остатки той непрочной уже преграды, что еще держалась между Джейм и его памятью, и освобожденное прошлое хлынуло могучей всесокрушающей волной, крутя и раздирая, вздымая к небесам и швыряя на скалы, хлеща соленой ладонью по лицу и небрежно ломая, как негожую щепку... а потом волна вынесла его на берег, избитого, оглушенного, и тихо отхлынула, погладив напоследок по щеке.

Память вернулась целиком и без изъятия. Теперь Джей де Ридо куда лучше понимал, куда привела его туманная тропа... он вспомнил, кто такая эта девушка по имени Дженни, хоть и не видел ее в лицо ни разу, вспомнил – ему ведь рассказывали, а рассказанного он не забывал никогда, рассказанное он переплавлял в песни... теперь он понимал, отчего Джейн называли его сестрой, да еще старшей – и кем был при жизни темноволосый воин с серебристо-серыми глазами, которого Джейн именovala то Эдоном, а то государем... а еще он помнил себя, Джефрея де Ридо, и свою смерть, и тех, кого он оставил в потоке времени, шагнув из него на берег вечности... одна мысль об их страдании заставила его захлебнуться горечью, сухой, бесслезной, мучительный стон выгнул тело, запрокинул голову, черное звездное небо метнулось в лицо...

– Тише, сынок, тише... – Седой держал его за плечи. – Память вернулась, да?

В голосе его, в глазах было столько тревоги и неподдельного участия, что Джей попытался кивнуть в ответ. Попытался – и не смог.

– Это так спервоначалу и бывает. – Седой на мгновение прижал голову Джефрея к своей груди. – Держись. Переможешься, легче будет.

Легче? Разве чужая боль может стать легче?

– Сначала всегда горько, – тихо молвил кареглазый со шрамом. – Это скоро схлынет. Все уже позади...

Так ведь в том все и дело!

– Я... не о себе... – ломким голосом выговорил Джей.

Как, ну как объяснить? О себе, о своей участи что ему горевать – он и мечтать не смел, что смерть подарит ему тропу сквозь туман, аромат листвы и палой хвои, шум ветра в вершинах сосен над головой, рябиновый полог, тепло огня и лица друзей... и он не может, не может отсюда, из вечности, докричаться до тех, кому скорбная весть вошла ножом под ребра, не может осушить их слез и утишить их горя...

Тонкие пальчики Дженни сжали его руку. Она понимает... не может не понимать – ведь и она тоже...

Эдмонд приспустился на одно колено рядом с ним и заглянул в глаза.

– Это только вечность неизменна, – тихо сказал он. – А время... время лечит. Поверь мне.

Он тоже понимал. И его понимание слетало с уст теми словами, которые единственно и могли сохранить Джейм рассудок при столкновении с вечностью.

– А вечность? – прошептал Джей.

Эдмонд ответил не сразу. Он обвел взглядом поляну, костер, побледневшее личико Дженни, замершее лицо Джей...

– А вечность ждет, – твердо произнес Эдмонд.

Стеклянный эльф

Осень. Эйнсли

По сухой до звона осенней листве лошади ступали неспешным шагом, и их никто не торопил. Джеральду некуда было спешить.

– Вы никогда прежде не видели Роберта де Бофорта? – как бы между прочим спросил Лэннион.

– Нет, – равнодушно ответил Джеральд. – Да и где я мог его увидеть? В Эйнсли я отродясь не бывал. А леди Элис... вы же знаете, как она отчаянно молодится. Появиться при дворе со взрослой дочерью и почти взрослым сыном – то же самое, что и назвать свой настоящий возраст. Нет, пока это хоть самую малость зависит от леди Эйнсли, младшее поколение Бофортов не покинет замка ни при каких обстоятельствах.

– Даже по королевскому приглашению? – Лэннион пытливо взглянул на Джеральда. – Ведь вы могли приказать юному Роберту приехать.

– Он все еще хромает, – неохотно ответил король.

– Ну, если верить гонцу, не так и сильно он хромает, – возразил Лэннион. – Рана вполне затянулась. Не думаю, что она бы ему помешала.

– Лэннион, к чему вы клоните? – нахмурился Джеральд.

– Сир, вы же недолюбливаете Бофортов...

– Вы, как всегда, чертовски вежливы, Лэннион, – усмехнулся Джеральд. – Недолюблю-ваю? Да я их терпеть не могу!

– Тогда почему вы решили поехать в Эйнсли? – осведомился Лэннион, причем в его голосе явственно сквозила надежда – а вдруг Джеральд все-таки передумает и прикажет повернуть коней, пусть и в нескольких шагах от цели.

– Потому что Эйнсли нам по дороге, – отрезал король.

Лэннион самым непочтительным образом расхохотался.

– По дороге... ну да – для бешеной собаки сто миль не крюк! Джеральд, что за нелепая страсть мучить себя без всякой надобности?

– Ну почему же без надобности, – вновь усмехнулся Джеральд. – В Эйнсли мы прогостим от силы дня два. Большого от нас не потребуется. А вот если я пошлю приглашение Роберту – думаете, он приедет один?

– Н-н-нет, – протянул Лэннион. – Воспользоваться доблестью сына и заручиться расположением нового короля... да когда это Бофорты упустили подобный шанс!

– Вот именно, – вздохнул Джеральд. – Можно держать пари на что угодно – вместе с юным Робертом явится и его светлость граф Эйнсли собственной персоной, и леди Эйнсли... и если они не найдут повода задержаться с отъездом в Эйнсли этак на полгода, я готов съесть свои рыцарские шпоры! Нет уж, Лэннион – лучше терпеть Бофортов два дня у них дома, чем полгода у меня в гостях.

– И все равно, – пробормотал Лэннион, – сдался вам этот младший Бофорт!

– Что? – Джеральд обернул к Лэнниону бледное от гнева лицо. – Что вы хотите этим сказать? Что доблесть Роберта де Бофорта должна остаться без награды только потому, что мне не нравятся его родители? Вы меня, часом, с Дангельтом не путаете?

– Храни меня Создатель, сир, – у меня и мыслей таких не было! – выдохнул Лэннион. – Я... просто я думал, что после тех жутких похорон вам следовало бы посмотреть на что-нибудь более приятное, чем Джон и Элис де Бофорт.

Король принужденно усмехнулся.

– С чего вы взяли, что я так рвусь полюбоваться на семейку Бофортов? – сухо поинтересовался он. – Может, мне не терпится взглянуть на Эйнсли.

Говоря так, Джеральд де Райнор вовсе не кривил душой: взглянуть на Эйнсли ему и в самом деле хотелось. Любопытно, похож ли этот замок на своих владельцев? Дома и их обитатели нередко схожи обличьем – иногда настолько разительно, что просто диву даешься. Джеральд не раз примечал подобное сходство – с того дня, как дед впервые обратил его внимание на этот странный казус. Они с дедом решили выехать на охоту – разумеется, с утра пораньше.

– Обернись, – велел дед, и юный Джеральд обернулся. Рассвет уже занялся, и солнце всходило точно над замком.

– Красиво как... – ошеломленно прошептал Джерри, не в силах найти слова, достойные красоты его родного дома в этот золотой рассветный час.

– И очень похоже на тебя, – засмеялся дед. – Точь-в-точь как ты – длинный, как не знаю что, и голова вся в золоте. Впрочем, дома и их владельцы часто бывают похожи.

– Но... – слова сорвались с уст раньше, чем Джерри подумал, что произносить их не следует, – ведь Элгелл не мой... ну не наш... на самом деле...

– Может, Элгелл и не твой, – ответил дед. – Но ты – его. Этот замок признал тебя. Вот помяни мое слово, Джерри, – любит он тебя, лоботряса, хоть и непонятно за что.

Джеральд тоже любил Элгелл – от всей души. Он не знал, вправду ли старый замок признал его своим, но всегда старался жить так, чтобы быть достойным его одобрения. Возможно потому, что слишком хорошо помнил: Райноры владеют Элгеллом с тех же времен, как Бофорты заполучили Эйнсли. А слова деда он запомнил на всю жизнь, и с тех давних пор неоднократно убеждался в его правоте. Интересно все-таки – есть ли хоть какое-то сходство между Бофортами и замком Эйнсли?

Как оказалось, никакого. Эйнсли понравился Джеральду с первого же взгляда. У этого замка не было решительно ничего общего ни с одним из Бофоров. Он не походил ни на Джона де Бофорта с явными следами былой грубой красоты на рано обрюзгшем лице, ни тем паче на леди Элис с еще более явными следами былого утонченного уродства. Интересно, на кого похож еще незнакомый Джеральду Роберт де Бофорт и его сестра? Ради них самих Джеральд хотел бы надеяться, что на замок Эйнсли. Очень уж Эйнсли был хорош собой – веселый, основательный и как-то по-мальчишески упрямый. Больше всего Эйнсли напоминал Джеральду такого обстоятельного оруженосца – из тех, от чьего взгляда не укроется ни малейшее пятнышко ржавчины на доспехах его сеньора, ни самая что ни на есть крохотная дырочка на его плаще. Такой и о рыцаре позаботится, и себя обиходить не забудет – негоже верному оруженосцу выглядеть замарашкой... нет, Эйнсли выглядел никак уж не замарашкой! Не знай Джеральд совершенно точно, что Эйнсли летом выдержал трехмесячную осаду, нипочем бы не поверил. Замок выглядел ухоженным... пожалуй, даже выхоленным – и благодарить за это следовало отнюдь не Джона и Элис, которые и не вздумали вернуться домой, когда пронесся слух, что Эйнсли в осаде. Король недаром собирался лично посвятить юного Роберта в рыцари, недаром и клинок для него приготовил такой, что принцу впору – мужество Роберта де Бофорта того стоило.

– Надеюсь, он все-таки похож на Эйнсли, – тихо пробормотал Джеральд.

Гостеприимство Бофоров оказалось точь-в-точь таким, как Джеральд и ожидал – смесь лживого подобострастия и совершенно не осознающего себя хамства. Джеральд напялил самую бессмысленную из всех своих улыбок и принялся старательно ждать. Должен ведь когда-нибудь младший де Бофорт соизволить спуститься к гостям!

Однако, вопреки ожиданиям, юный Роберт не торопился соизволить. Даже если гонец ошибся и рана все еще беспокоит мальчика настолько, что ему действительно трудно ходить – времени, которое Джеральд уже потратил на ожидание, с лихвой достало бы не только пройти – проползти весь замок сверху донизу!

Когда второй кубок вина и двадцать восьмая жалоба леди Элис на тяжкую жизнь были на исходе, слуга, отправленный за Робертом, показался в дверях.

– Что это значит, Фаркуэр? – резко спросила леди Элис. – Где Роберт?

Несчастный Фаркуэр боднул лбом неподатливый воздух.

– Лорд Берт сказал... – единым духом выпалил Фаркуэр и замолчал снова.

– Что он сказал? – рявкнул сэр Джон.

– Лорд Берт сказал... – Фаркуэр напрягся и вытолкнул-таки из побледневших уст чужие слова. – Он сказал, что придумка насчет приезда его величества, конечно, хороша, но не настолько, чтобы он оставил ради нее леди Бет.

Лэннион тихонько хмыкнул. Джеральд с трудом Удержался от того же самого. Нет, решительно молодой Роберт де Бофорт – очень и очень занятное создание.

– Да как он смеет! – прошипела леди Элис.

– Наверное, как-то смеет, – усмехнулся Джеральд, отставив уже успевший ему осточертеть кубок, и легко поднялся на ноги. – И более того – полагаю, он имеет достаточно веские основания поступать подобным образом. Мне будет крайне любопытно лично провести этого недоверчивого джентльмена.

Намек на то, что Бофорты не славятся избытком правдивости, был совершенно непозволительным, тем более из уст короля – но кто сказал, что монарху полагается молча терпеть неприятных подданных? Порывистому Джеральду де Райнору терпение свойственно было ничуть не больше, чем обоим Бофортам – правдивость. Он еще не видел мальчишку, который не поверил, что внизу в зале его дожидается король, но уже готов был извинить его упрямство – возможно потому, что смутно ощущал в ответе Роберта нечто большее, нежели простое упрямство. А вот извинить людей, лгущих настолько часто, что родной сын заведомо уверен в их лжи, Джеральд готов не был.

– Но это... это же невозможно... немыслимо... – стенала леди Элис. – Ваше Величество, умоляю...

– Лэннион, – повелительно бросил король, уже направляясь вослед окончательно растерянному Фаркуэру.

Лэннион не заставил звать себя дважды. Ему удалось опередить не только Джона де Бофорта, но даже и леди Элис, рванувшуюся за королем быстрее любой гончей.

– Вот здесь, Ваше Величество, – выдохнул Фаркуэр, распахивая перед королем дверь – совершении беззвучно, как и подобает вышколенному слуге в хорошем доме.

Джеральд кивком поблагодарил его, вошел в комнату, где обретались юный Роберт и леди Бет, которую он не пожелал оставить по приказу родителей, и замер у порога.

О да – эти двое действительно были похожи на Эйнсли и друг на друга! Бог весть, каким образом старый замок переиначил черты Бофортов на свой лад, но он это сделал. Все, что так отталкивало в Джоне и Элис, в их детях неизъяснимо привлекало – потому что было другим, непонятно, но несомненно другим. В который уже раз Джеральд убеждался, что дед был прав... и в тот вечер он тоже был прав, как и всегда. Кто же из гостей вздумал тогда поносить память Доделлинов? Ах, ну да, как же Джеральд мог забыть – двоюродный кузен Бэнки, тот самый, кого Джерри де Райнор весьма метко прозвал Лысым Ежиком... отец тогда долго отчитывал его за злую шутку, а дед только посмеялся... но в тот вечер деду было не до смеха. Издевательства над побежденными дед не терпел – тем более что победа-то была купленной. Лысому Ежику пришлось здорово пожалеть о сказанном – дед в ответ избрал его мишенью для своих словесных стрел, и ни одна из них не пропала даром. А когда гости уехали, дед впервые на памяти Джерри почти напился – тяжело и мрачно.

– Они дураки, Джерри, – с мучительной убежденностью говорил старик, одним духом осушая кубок. – Безмозглые дураки... думают, что одержали верх... ха! – Он пристукнул пустым кубком по столу. – Мы приходим с оружием в руках, да... приходим и берем себе эту землю, в которую еще не впиталась кровь ее прежних владельцев... и думаем, что мы ее захватили, – как бы не так! Это не мы, это она нас захватывает... захватывает – и пересоздает по

своему образу и подобию... ты понимаешь, Джерри? Пересотворяет нас – или убивает. Земля старше тех, кто думает, что завладел ею... старше, Джерри, и она творит нас на свой лад... не детей, так внуков... творит, не спросясь... нещадно... и убивает тоже нещадно. Что головой качаешь – на себя посмотри, Джерри Элгелл!

Дед был прав – старые земли и старые замки кроили своих новых обитателей на свой лад. Не на отца и мать были похожи младшие Бофорты, Берт и Бет, а на замок Эйнсли, которому их сердца принадлежали беззаветно, – ведь не заботами Джона и Элис, практически не вылезавших из столицы, Эйнсли выглядел таким ухоженным и веселым. Только тем брат и сестра и разнились с замком, что веселыми они не были. Какое там веселье – казалось, сам воздух в этой комнате потемнел и сгустился.

Темноволосый юноша, действительно почти еще мальчик, осторожно подносил ложку к полуоткрытым губам девушки в траурном покрывале.

– Умница, Бет, – тихим усталым голосом произнес юноша, когда содержимое ложки пролилось в рот. – А теперь глотни... пожалуйста...

Глаза девушки невидяще блестели; рот безотчетно сжался.

– Хорошо... – какой тихий измученный шепот, почти шелест. – Вот умница... а теперь еще... это поможет тебе заснуть...

Джеральд сделал шаг, и юноша обернулся. Темные его глаза при виде чужака блеснули гневом.

– Роберт! – возгласила леди Элис, все еще слегка задыхаясь: нелегкое это дело – гнаться за своим монархом, когда он не в духе. – Немедленно преклони колено и проси прощения у его величества за свою дерзость.

Берт шагнул навстречу Джеральду. Гонец ошибся – Роберт хромал еще очень сильно... или это усталость принудила юношу пошатнуться? Судя по его лицу, он не спит уже вторые сутки, а может, и больше. Неужели эта жеманная курица не видит, что ему трудно и больно идти? Как ей в голову пришло требовать, чтобы мальчик опустился на колено? О чем она вообще думает?

– Ваше Величество... – бесцветным от утомления голосом начал было Берт.

– Вот только, во имя Создателя, не надо ничего преклонять, – перебил его Джеральд. – И просить прощения тоже не надо. Просто не за что.

Берт благодарно улыбнулся кончиками губ – на большее у него явно не хватало сил.

– Благодарю вас, Ваше Величество, – произнес он. – Бет... она и в самом деле очень плоха...

– Вижу, – односложно отозвался Джеральд.

– Притворство! – процедила вездесущая леди Элис. – Безобразное притворство, и ничего больше. Негодной девчонке хочется привлечь к себе внимание.

Берт, явно привычный к подобным нападкам, даже внимания на слова матери не обратил.

Что ж, каждый судит по себе. Вероятно, леди Элис было не впервой притворяться, чтобы привлечь к себе внимание. Джеральду внезапно захотелось придушить леди Элис – захотелось настолько остро, что он сжал кулаки, чтобы избавиться от наваждения. Когда дверь открылась, Берт стоял к нему спиной и не видел вошедшего – но Бет сидела к двери лицом, а между тем при виде незнакомца зрачки ее даже не дрогнули. Так не притворяются.

– Как долго это продолжается? – спросил Джеральд, кивнув в сторону Бет.

– Третий день, сир, – ответил Берт. – Вот как только мы узнали, что Джефрей де Ридо...

– Джей?! – ахнул король.

У него за спиной Лэннион застонал почти беззвучно и шепотом выругался – истово, словно молился.

– Вы его знали? – Берт так и подался вперед.

Джеральд хотел ответить, но внезапный сухой спазм перехватил горло.

– Да, – ответил вместо него Лэннион.

«Да»... до чего же простое слово! Разве вложишь в него веселый смех де Ридо, его ясные глаза, его всегдашнее неброское мужество и свежесть духа? Разве может оно вместить песенки, которые Ридо ухитрялся сочинять едва ли не по дюжине на день? Разве может оно передать, как все, кому посчастливилось узнать Джефрея де Ридо, любили его? Не иметь в двадцать три года ни одного врага – дело совершенно неслыханное... но сердце у де Ридо было золотое – разве можно не любить солнце, разве можно не улыбнуться ему в ответ? А натура у де Ридо была совершенно солнечной... какое же короткое слово – «да»... и ему, этому слову, не по силам объяснить, почему никто, никто, никогда не звал де Ридо Джефреем – все, и даже король, звали его только Джей, и никак иначе...

Джеральд безмолвно кивнул.

– Ваше Величество... – выдохнул Берг. – Гонец не сказал нам, как... я прошу вас... как погиб Джей?

– Доблестно, – хрипло ответил король.

И страшно.

Невыносимо страшно еще и потому, что невыносимо нелепо. Война пощадила Джея де Ридо, не оставив на его теле ни одной отметины. Его не пощадил мир. Первый день мира, купленного его кровью.

Джеральд попытался сглотнуть. Гонец недаром смолчал – как рассказать этому славному мальчику, какой смертью погиб его друг? Какие слова избрать, чтобы поведать о страшном дне, на который они с Гийомом де Троанном назначили подписание перемирия? Черный Волк не явился, известив в последний момент, что у него воспалилась недавняя рана, и прислал вместо себя своего единственного сына. Джеральд в байку о ране не поверил и на полпенни – у Черного Волка приключалось очередное острое воспаление хитрости всякий раз, когда ему подворачивалась возможность уступить дорогу молодому Гийомету. Воспитатели, с пеленок талдычившие младшему Гийому Троанну о том, что его долг ни в чем не посрамить своего великого отца, оказали юноше дурную услугу – смелый и умный Гийомет в присутствии отца положительно терялся. Троанн, как человек неглупый, не стал корить сына – попреки сделали бы ситуацию окончательно безвыходной. Он просто-напросто оказывался то и дело в самый ответственный момент болен либо в отлучке – и так до тех пор, покуда Черный Волчонок не станет ровней старому Волку. Гийомет должен был обрести уверенность в себе – такую, чтоб ей и отец был не помеха. Вне всяких сомнений, Троанн и не собирался подписывать перемирие лично.

Шестнадцатилетний Гийомет был несказанно горд возложенной на него миссией. Он и держался с достоинством, и оделся с превеликим тщанием, чтобы не посрамить отца – сплошной черный бархат, и никаких доспехов, дабы не оскорбить олбарийцев недоверием... Господи, уж лучше бы оскорбил! Оскорбление можно и пережить, а вот удар ножом – нет... удар ножом в не защищенное доспехами тело... Джей стоял ближе всех, и он первым понял, что сейчас случится непоправимое... убийц было двое, и Джей успел обезоружить одного из них – только одного, а потом рванулся наперерез, и второй нож, нацеленный в грудь Гийомета Троанна, вместо Черного Волчонка по самую рукоять угодил в самый надежный из всех щитов... в живой щит по имени Джей де Ридо... Джей тоже не надел доспехов, как и все они, чтобы не оскорбить недоверием Гийомета Троанна... во имя всех святых – за что? За что?!

Рана в живот была отвратительной – широкая, с неровным развалом. В таких случаях лекаря вместо того, чтобы добить раненого, велят надеяться на чудо... но чудес, прокляни их Создатель во веки веков, не бывает! Во всяком случае, таких чудес. Джей умирал почти сутки – в бреду, в горячечном забытии. Джеральд держал его за руку, и Гийомет тоже... и когда Гийом де Троанн, мигом позабывший о мнимой своей ране, вошел в комнату к умирающему де Ридо, Гийомет даже не шелохнулся.

Троанн умел платить свои долги – всегда и во всем. Да и не в одних долгах дело. Оспа, которая в одночасье унесла и жену, и троих старших детей Троанна, пощадила только маленького Гийомета. Единственного оставленного ему ребенка Гийом де Троанн любил беззаветно, и во имя человека, за жизнь его сына отдавшего собственную, Черный Волк был готов на многое. Он заключил не перемирие, а мир – щедрый, ясный и надежный, как улыбка Джея де Ридо, не чинясь и не торгуясь, принимая любые условия. Ну а ледгундцам, подославшим убийц, чтобы сорвать переговоры, не поздоровится – потому что Черный Волк Троанн еще никогда и никому не оставался должен. Ледгунд еще заплатит за Джея де Ридо полную цену. Но даже самая кровавая плата не заставит Джеральда забыть мертвое лицо Джея, его белые губы и густо залитую кровью лютню... он распорядился похоронить ее вместе с де Ридо, как будто этим можно было что-то изменить... как будто музыка, ушедшая в могилу вместе с музыкантом, могла с того света донестись до слуха оцепеневшей девушки с мертвыми глазами...

– Бет... – сдавленно произнес Роберт де Бофорт. – Она... они с Джеем были обручены... Да... немудрено сойти с ума от горя по такому жениху, как Джей де Ридо.

– Как тебе не стыдно лгать Его Величеству? – обрушилась на сына непробиваемая леди Элис. – Какое еще обручение! Фантазии, девчоночьи бредни! Бет просто наслушалась чувствительных баллад – вот и вообразила себе неземную любовь.

Джеральд на мгновение прикрыл глаза. Пресвятая Дева, Матерь Божия, взмолился он, дай мне сил... дай мне сил не удавить это злобное создание!

Берт твердо взглянул на мать.

– Бет и Джей обручились, – отчеканил он. – И я был свидетелем обручения.

– Ты мог быть свидетелем чего угодно! – Джон де Бофорт наконец-то обрел голос. – Это совершенно безразлично. Подумаешь – всего-то навсего младший сын! Мы никогда бы не выдали Бет за жалкого безземельного дворянина.

Берт побледнел.

– Безземельного? – переспросил Джеральд и улыбнулся – широко и мстительно. – Ни в коем случае. Останься де Ридо жив, и с этой войны он вернулся бы графом.

Вот это леди Элис проняло! Она аж позеленела от мысли, что мерзавка смерть ухитрилась-таки отбить у Бет, как оказалось, очень даже выгодного жениха – а другого такого не скоро и сыщешь... Впрочем, если постараться...

Будь проклята леди Элис со своим супругом! Навряд ли Бет перепало хоть что-нибудь, кроме коротких тайных свиданий... а потом долгого ожидания и надежды... надежды, которая никогда не сбудется, потому что Джей мертв, мертв окончательно, бесповоротно, потому что чуда не случилось, и Джей покинул ее, как самого Джеральда покинула Дженни – навсегда...

При мысли о Дженни стеснилось в груди. Джеральд сжал челюсти до желваков на скулах, чтобы удержать слезы: как всегда, стоило ему только вспомнить Дженни, и он вновь увидел ее будто воочию – не такую, какой она была в смертный час, а ту Дженни, какой она была в самый первый их день, робкую, удивительно хрупкую, увидел ее голубые глаза, бледное лицо, ее тонкие руки, с которых еще не сошли мозоли от постоянной работы – и не такие руки можно изуродовать, если каждый день запаривать корм для кур, разносить тяжеленные подносы и мыть полы со щелоком...

Джеральд опустил голову.

Спасибо тебе, любимая. Где бы ты ни была – спасибо тебе.

Король обернулся к двери, где все еще маячил незадачливый Фаркуэр, поскольку бедолагу просто-напросто позабыли отпустить.

– Воды! – приказал Джеральд. – Ведро... нет, бадью, и потяжелее.

– Но, Ваше Величество! – дерзнул возразить Фаркуэр. – Леди Бет уже пытались отлить холодной водой – не помогло.

– Не холодной, Фаркуэр, – бросил король. – Горячей. Так, чтоб только терпеть можно. Со щелоком. Живо!

Королем Джеральд был без году неделя – зато войсками командовал не раз. Каким тоном надо отдавать приказы, чтобы они исполнялись без раздумья и промедлений, он знал преотлично. Фаркуэр исчез быстрее, чем леди Элис успела рот открыть от изумления – и вернулся, сгибаясь под тяжестью бадьи, куда раньше, чем упомянутая леди начала требовать объяснений. Джеральд давать их не собирался. Он подошел к бездвижно замершей Бет, сорвал с нее траурное покрывало, окунул его в бадью, выжал и вложил девушке в руки – а потом тяжелая королевская ладонь пригнула леди Бет к полу и толкнула ее руки, раз и другой...

Так же безотчетно, как губы Бет смыкались вокруг ложки с целебным питьем, ее руки продолжили движение – еще раз, и еще...

Джеральд перевел дыхание.

– Вы умница, Роберт, – мягко сказал он молодому Бофорту, – но вот на этот раз вы все сделали неправильно. Это не ваша вина – вы прежде ни с чем подобным не сталкивались. Вы ведь ее поили успокоительными снадобьями, верно?

Берт утвердительно склонил голову. В глазах его мелькнуло понимание.

– Самый надежный способ сделать беду непоправимой, – вздохнул Джеральд. – Душа изнывает от горя – а тело ничем не может ей помешать. Берт, покой и отдых для вашей сестры просто губительны. Ей нужна усталость – настоящая, до ломоты во всем теле, до боли в костях. Проследите, чтобы она не переставала мыть эти чертовы полы – пусть хоть весь замок перемывает, пока не свалится.

– Пока не свалится? – переспросил Берт тоном скорее утвердительным – ну, хвала Создателю и стенам Эйнсли, мальчик и вправду понимает!

– Именно так, – кивнул Джеральд. – Ни пить, ни есть, пока не упадет, не давайте. Когда свалится и уснет, в кровать не переносите. Пусть спит на полу. А вот когда проснется, накормите немедленно – и непременно горячим.

– Понимаю, сир, – медленно произнес Берт. – Думаете, поможет?

– Думаю, да, – ответил Джеральд и, повинуясь внезапной мольбе в глазах юноши, добавил: – Я ведь очень хорошо помню... когда мне было велено жить, у меня был мой меч... я держался за него – и выжил. Человеку нужно держаться хоть за что-нибудь, Берт. У твоей сестры нет меча – так пусть хоть за тряпку...

– Но леди не подобает мыть полы! – истерически взвизгнула Элис де Бофорт, когда превернутое в тряпку покрывало в руках Бет мазнуло по ее туфелькам.

– Умирать от горя в девятнадцать лет леди тем более не подобает, – отрезал Джеральд.

Бет очнулась от дикой ломоты во всем теле. Болело все – ныли кости, резкая судорога сводила мышцы, горели невесть где и когда содранные руки.

Девушка с трудом разомкнула тяжелые веки и приподнялась на локте. Локоть тут же пронзила резкая боль... и немудрено – ведь она почему-то лежала на полу. Пол был холодным и невероятно жестким... а Бет была усталой, измученной и голодной... а еще – живой. Отвратительно и бесспорно живой. Мертвые ничего не чувствуют – а она ощущает холод и боль... и запах жареного мяса, свежеевыпеченного хлеба и горячего вина. Блюдо и кубок стояли прямо на полу рядом с ней, и Бет было не до размышлений, откуда они взялись. Она не хотела есть, не хотела... но руки ее, совершенно не считаясь с ее волей, потянулись к еде и питью, и Элизабет де Бофорт сама не заметила, как и когда уплепа подчистую все жаркое и ополовинила кубок.

Еда и пряное горячее вино придали ей сил – тех самых, которых Бет недоставало, чтобы заплакать. Теперь же слезы хлынули дождем, обжигая ободранные в кровь ладони... Джей... о Джей... за что?

– Бет! – послышался рядом взволнованный голос брата. – Бет...

Девушка отняла ладони от лица.

Берт был бледен, его шатало от усталости, и Бет немедленно стало стыдно. Она не знала, сколько времени прошло с той жуткой минуты, когда ей сказали, что Джей умер и мир для нее померк, – но ведь наверняка Берт не отходил от нее ни на шаг... Господи, да он еле стоит!

– Берт, – еле слышно пробормотала Бет, – иди спать. На тебя смотреть страшно.

– Вы были правы! – изумленно выдохнул Берт. – Благослови вас Создатель – вы были правы!

Бет подняла голову. Рядом с братом стоял высокий красавец с золотыми волосами и смотрел на нее сверху вниз – и это ему предназначалась благодарность Берта.

Ах вот, значит, как!

В единое мгновение измученные глаза Берта были ею позабыты – нет, всего минуту спустя она вспомнит о них и до дрожи устыдится того, какой бессердечной сделало ее горе. Но здесь и сейчас Бет уже не помнила, не могла помнить ни о чем, кроме того, что Джей мертв, а она жива – как и этот золотоволосый красавчик, неведомой хитростью принудивший ее жить!

– Значит, это вам я обязана? – холодно спросила она.

Золотоволосый помедлил и кивнул. Гнев захлестнул Бет с неистовой силой.

– Как вы посмели? – яростно выпалила она. – Как вы могли? Кто дал вам право принудить меня дышать, ходить, есть, пить и разговаривать? Да кто вы вообще такой, что посмели...

Лицо незнакомца окаменело.

– Я тот, – резко бросил он, – кто дышит, ходит, ест, пьет и разговаривает.

Он развернулся на каблуках, не прибавив ни единого слова, и ушел.

– Бет, – простонал брат. – Ох Бет, что же ты сказала...

Узнав, что мерзавец, заставивший ее жить, не кто иной, как Его Величество король Олбарии Джеральд Первый, Бет только молча кивнула. В дальнейших объяснениях не было нужды – о несбывшейся любви Девы Джейн и молодого короля знала вся Олбария, и Бет не была исключением.

Я тот, кто дышит, ходит, ест, пьет и разговаривает...

– Я попробую объяснить Его Величеству... – отважно предложил Берт.

Что толку в запоздалых сожалениях? Сама сделала тупость, сама теперь и изволь ее исправить. И брата в это не вмешивать – ему и так по твоей милости несладко пришлось.

– Нет, Берт, – покачала головой девушка. – Спасибо. Я сама.

Однако прежде, чем приступить к объяснениям требовалось еще кое-что сделать. Эйнсли, брошенный родителями на ее с Бертом попечение, давно приучил Бет делать все по порядку и своевременно, не пропуская ничего и не забегая вперед. Она и теперь не изменила этой привычке. Сначала домыла полы... так вот чем, оказывается, король вернул ее к жизни – мокрой тряпкой! Потом Бет велела согреть себе воды для ванны. Мылась она очень долго, с ожесточением сдирая с себя муть минувших дней, когда она позволила себе умирать, даже не подумав о том, каково БERTу будет вслед за другом потерять еще и сестру. Потом она оделась так тщательно, что даже мать не нашла бы, к чему придраться, и расчесала еще влажные от недавнего мытья темные волосы. Уж если ты, оскорбляя человека ни за что ни про что, выглядела зареванной распустехой – изволь проявить к нему уважение хотя бы настолько, чтобы придать себе достойный вид, а потом уж лезь на глаза с извинениями... да еще захочет ли он твои извинения слушать?

Захочет или нет, но не высказать их нельзя. Бет готовилась просить прощения, как воин готовится идти в смертную битву – без всякой надежды на благополучный исход, но с беззаветной решимостью.

Его Величество она отыскала в замковой часовне.

Он не молился – просто стоял, задумавшись, и глядел в никуда. Плащ был накинут на плечи короля так небрежно, будто он и вовсе не ощущал промозглого сырого холода, от которого гулкий звук шагов делался чужим и каким-то далеким. Заслышав этот холодный звук,

Джеральд обернулся, и у Бет мигом пропали все тщательно заготовленные слова. Она молча стояла и смотрела на серьезное бледное лицо Джеральда, и не могла заставить себя открыть рот и хоть что-то сказать. Собравшись с силами, она сделала еще шаг вперед – и смешалась окончательно. Внезапно король усмехнулся краешком губ.

– Бет, – мягко и спокойно произнес он, – это у вас с братом обыкновение такое – просить прощения за то, в чем вы не виноваты?

У Бет от неожиданности захватило дыхание.

– Вы ведь за этим сюда пришли? – утвердительно молвил король. – Прощения просить?

Бет растерянно кивнула.

– Пустое, – снова усмехнулся Джеральд. – Забудьте. Просто забудьте. Не за что вам извиняться. Иначе просто и быть не могло. Если на то пошло, скорей уж я должен просить у вас прощения за то, что не сдержал обиды, – а вы ее не заслужили.

Бет наконец-то вновь обрела дар речи.

– Пустое, – с удивлением услышала она собственный голос. – Забудьте. Просто забудьте. Мне даже думать стыдно, как я на вас налетела...

– Иначе просто быть не могло, – повторил король. – Я ведь помню, как... – Он на мгновение примолк. – Когда мне напомнили, что я должен жить... больше всего на свете мне хотелось убить тех, кто посмел это сказать. Голыми руками.

– Но вы ведь не убили, – возразила Бет. – Даже не попытались.

– Убить не убил, раз до сих пор живы, – задумчиво произнес Джеральд. – А вот пытался или нет... не знаю. Просто не знаю... и вспомнить не могу.

Это Бет могла понять – как никто другой. В груди у нее стеснилось, в глазах сделалась резь от подступивших слез – но плакать было нельзя. Нипочем нельзя, потому что лицо у Джеральда было такое... матушка вечно твердит ей, что она совершенно ничего не понимает в мужчинах – но Бет вовсе даже понимает! И что значит такое лицо, знает – когда вроде ни один мускул не шелохнулся, но рот неумолимо отвердевает, а кожа на скулах натягивается от скрытого напряжения. У Роберта было такое лицо, когда он свалился с лошади и сломал руку... и когда ему зашивали рану на бедре – тоже... и у Джея, когда он прощался с ней сразу после обручения... когда так больно, что хочется кричать, – но рыцари не кричат и не плачут, им нельзя...

Поэтому Бет не удивили слова, слетевшие с уст короля.

– Вы не поверите, Бет, – тихо, мучительно и как-то неловко сказал он, – мы ведь с ней один только раз и поцеловались.

– Отчего же, – сдавленно от усилия сдержать слезы проговорила Бет. – Поверю. Выходит, нам повезло больше. Джей меня поцеловал... два раза.

И тут слезы все-таки хлынули – и Джеральд не стал гладить ее по голове и уговаривать не плакать. Он крепко до боли ухватил ее за плечи, резким рывком развернул к себе и уткнул лицом в свою грудь.

– Плачьте, Бет, – сквозь стиснутые зубы произнес Джеральд. – Плачьте, сколько слезы идут. Невыплаканными слезами и захлебнуться можно. Насмерть. Ну же!

Бет не надо было уговаривать – ее и так трясло от рыданий. Она не могла сказать, сколько они вдвоем простояли, покуда она сумела, наконец, вздохнуть свободно.

– Легче стало? – странно далеким голосом спросил король.

Бет кивнула.

– Спасибо, Ваше Величество, – прошептала она. – Вы хороший друг.

Ей даже в голову не пришло, что она сказала глупость, да притом дерзкую – ну разве королям такое говорят? Оказывается, говорят, и это совсем даже не глупо. Ее невозможные слова прозвучали как единственно правильные.

– Вы тоже, – очень серьезно произнес Джеральд.

Бет показалось, что она ослышалась. Она подняла голову и взглянула на него. По лицу Джеральда тоже катились слезы – нечастые, тяжелые.

– Первый раз за этот год я смог... – он перевел дыхание. – Спасибо, Бет.

Он говорил правду, это Бет поняла сразу – по выражению его лица, Джеральд и в самом деле в первый раз смог оплакать свою потерю.

– Скажите... – тихо произнесла Бет. – Джей... как он умер?

– Как и жил – не думая о себе, – хрипло ответил Джеральд. – Он дал Олбарии мир... самый лучший мир, какой только можно купить за кровь.

– Вы не хотите говорить, – промолвила Бет. – Гонец тоже не сказал. Это было очень страшно, да?

Король ответил не сразу.

– Да, – произнес он наконец. – Вы правы, Бет. Наверное, вам и в самом деле надо это знать.

Он рассказывал отрывисто, коротко, с милосердной сухостью, стараясь избавить ее от самых жутких подробностей, – но она все равно вживе ощущала, какой жаркой была стиснутая от боли рука Джея – и как она медленно холодела в руке Джеральда... Бет невольно опустила глаза, словно думая увидеть на его пальцах синяки, оставленные этой предсмертной хваткой, – наверняка они не могли полностью сойти за неделю, минувшую после похорон! – но пальцы короля были скрыты темно-зелеными замшевыми перчатками.

– Роберту не говорите, – попросила она, когда Джеральд замолчал. – Ему будет тяжело.

Король невесело усмехнулся. Затянутая в зеленую замшу рука коснулась пальцев Бет и приподняла – но Джеральд не прикоснулся к ним губами, а крепко пожал девушке руку.

И тут раздался быстрый перестук каблучков, и в часовню ворвалась леди Элис. Лицо ее было аккуратно подкрашено, волосы уложены тщательно и прихотливо, отороченная мехом накидка кокетливо склота рубиновой пряжкой на плече.

– Так вот ты где! – прошипела леди Элис. – Мерзкая девчонка! Да как ты посмела изводить Его Величество своей назойливостью!

Бет уставилась на мать беспомощным взглядом – как всегда, когда рот леди Элис говорил одно, а лицо совсем другое. «Как ты посмела занять мое место, мерзавка! – вот что говорило без слов пылающее от негодования лицо матери. – Как ты посмела опередить меня! Это я, я, я должна была утешать Его Величество – я, и никто другой! Женщине, которой удастся утешить короля в его скорби, перепадет невиданная удача – и этой женщиной должна быть только я... а ты что здесь делаешь, паршивка?!» Эта безмолвная речь была для Бет абсолютно внятной, и она вздрогнула от стыда – а вдруг Джеральд тоже поймет...

Судя по всему, он понял.

– Леди Элис, – велел король голосом, сдавленным от гадливости, – подите вон!

День выдался длинный и утомительный, но Джеральда, невзирая на поздний час, не клонило в сон. Напротив, веки упрямо распахивались сами собой, стоило ему только подумать о том, чтобы уснуть. Одно счастье, что Лэннион всегда был полуночником, и у Джеральда нет никакой надобности сидеть наедине со своими мыслями, прислушиваясь к ночному дыханию уснувшего замка. Бессонную ночь лучше скоротать за беседой и кубком вина – глядишь, к утру дремота все-таки сменит гнев на милость и осенит собой отяжелевшие за ночь веки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.